

ШАХТИНСКИЙ ПРОЦЕСС 1928 ГОДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ *

На основе анализа архивных материалов реконструирован механизм трансформации ординарного регионального следственного дела в громкое политическое «Шахтинское дело». Показаны методы ведения чекистами предварительного следствия летом 1927 – весной 1928 г., тактика поведения обвиняемых, динамика следственных действий.

Ключевые слова: «Шахтинское дело», архивно-следственные дела, политические репрессии.

Чуть более 80 лет назад, в мае – июле 1928 г., в Москве после осуществления ряда необходимых процессуальных действий (предварительного следствия, проведенного главным образом усилиями регионального Северо-Кавказского краевого полпредства ОГПУ и далее судебного следствия, осуществленного аппаратом Верховного Суда СССР) состоялся один из крупнейших открытых судебных процессов постреволуционного периода над группой инженерно-технических работников и управленцев, трудившихся в угольной промышленности юга России и Украины, а также ряда немецких специалистов по обвинению в «экономической контрреволюции». Если в советской историографии процессу давалась твердая оценка в духе сталинского «Краткого курса», что вина обвиняемых специалистов и управленцев во «вредительстве» была безусловно доказана следствием, а затем и в открытом судебном слушании, то уже в период «перестройки» конца 1980-х – начала 1990-х гг. вектор оценок смысла и предназначения данного процесса оказался диаметрально иным: теперь, напротив, в профессиональной литературе утвердилось мнение об изначальной – уже на стадии следственных действий чекистов – фальсификации оснований для судебного преследования в отношении арестованных спецов, управленцев и иностранных работников.

Вокруг оценок Шахтинского процесса сложилась достаточно противоречивая историографическая ситуация. По сути дела, после интересной и заявочной книги ростовского историка С. А. Кислицына [1993], наступила длительная пауза. В дальнейшем не последовало ни одной обстоятельной работы, где бы вводился новый фактический материал, позволяющий более глубоко показать истоки и значение подготовки и проведения указанного процесса. На эту роль могла бы претендовать электронная публикация московского историка отечественных спецслужб О. Б. Мозохина, имевшего доступ к закрытым ранее для исследователей материалам, однако он пошел по пути воспроизводства канвы политического решения проблемы, обратившись к документации Политбюро ЦК ВКП(б), сделав это к тому же достаточно поверхностно, фактически не отразив саму технологию чекистской фальсификации следствия по «Шахтинскому делу» (здесь и далее мы считаем необходимым закавычить словосочетание «Шахтинское дело», подчеркивая тем самым его фактически неправовой, политически ангажированный характер; в то же время в ряде случаев мы использовали термин «дело» в привычном юридическом понимании) ¹.

За это время указанное «дело» подверглось пересмотру со стороны Генеральной прокуратуры РФ и 27 декабря 2000 г. последняя вынесла заключение по «Шахтин-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-00505а).

¹ Мозохин О. Б. Вредительство в народном хозяйстве // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vmar.php

скому делу», из которого следовало, что в материалах «дела» не оказалось доказательств обвиняемых в инкриминируемых им преступлениях и все они подлежат реабилитации². В упомянутом выше «Заключении» Генпрокуратуры РФ, основанном на изучении следственных материалов, опровергались два взаимосвязанных тезиса, положенных в основу обвинительного заключения по данному «делу», – необоснованность обвинений во «вредительстве» и «шпионаже». Говоря о методах чекистского следствия, работники Генпрокуратуры отмечали, в частности, что уже «на первых допросах следователи, искусно манипулируя сведениями о политическом прошлом арестованных, о фактах аварий, затоплений на шахтах, антисоветских высказываний отдельных инженеров, добились от некоторых специалистов признания о контрреволюционной вредительской организации. <...> Многие из подсудимых виновными себя не признали, заявляя о необъективном ведении следствия и оговоре. Показания о признании своей вины и оговорах были отмечены и в выступлениях защитников обвиняемых <...>»³.

Таким образом, Генпрокуратура РФ дала «Шахтинскому делу» государственно-правовую оценку, сняв спустя более 70 лет груз обвинений с подсудимых. Юридическая реабилитация делает весьма актуальным изучение историками самого феномена одного из крупнейших политических процессов раннесталинской эпохи, трансформации ординарного следственного материала по обвинению ряда спецов и управленцев провинциального Шахтинского округа Северо-Кавказского края по неполитическим статьям (в халатности и служебных злоупотреблениях) в знаковое «дело», получившее значительный резонанс не только внутри СССР, но и за рубежом. Цель данной публикации состоит в анализе хода и результатов следственных действий в отношении первых арестованных, т. е. на ранней стадии формирования «дела», когда им занимались только шахтинские и затем ростовские чекисты. Именно здесь находятся

истоки конструкции будущего громкого процесса.

Сказанное выше требует обращения к материалам предварительного и судебного следствия, хранящимся в составе архивно-следственных дел (АСД), объединенных чекистами в специальных фонд (ныне – Ф. Р-49447 в Центральном архиве ФСБ РФ). В середине 1930-х гг. чекисты провели упорядочение всех АСД, связанных с «Шахтинским делом». Сведенные в единый корпус, они делятся на две части. В основную часть включены 176 единиц хранения, большую часть которых (143 единицы) составляют следственные материалы и их дубликаты на 53 обвиняемых, выведенных на процесс. В данный корпус включены также три тома судебного следствия Верховного Суда СССР и подневные стенограммы процесса в 18 томах. Оставшиеся дела представлены материалами и документами, сопровождавшими следствие и сам процесс (служебная переписка, материалы прессы, материалы, изъятые из дел и т. д.). Тогда же чекистскими архивистами были подобраны и включены в состав указанного спецфонда еще 15 АСД (119 томов), в которых отложились следственные материалы в отношении арестованных в ходе подготовки «Шахтинского дела» 82 чел., по разным причинам не выведенных на судебный процесс и осужденных во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ⁴. Среди них оказались такие выдающиеся ученые-горняки, как А. А. Скочинский и Л. Д. Шевяков (первый был затем освобожден, а второй на три года сослан в Сибирь).

В следственных действиях чекистов достаточно четко прослеживаются три стадии формирования «Шахтинского дела»: 1) шахтинский этап (июнь – октябрь 1927 г.), когда основные следственные мероприятия осуществлялись сотрудниками Шахтинско-Донецкого оперсектора ОГПУ при участии ростовских чекистов; 2) ростовский этап (октябрь 1927 – февраль 1928 гг.); 3) ростовско-украинский этап с подключением к следствию украинских и частично московских чекистов (март – апрель 1928 г.), когда «дело» приняло заверченный характер. Первые аресты были произведены в июне – июле 1927 г., при этом из числа арестованных только трое в дальнейшем оказались выведены на процесс, судьбу остальных

² ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Заключение по уголовному делу (арх. 5088) «О контрреволюционной организации инженеров и техников, работавших в каменно-угольной промышленности СССР (т. н. «Шахтинское дело»)». С. 1–72.

³ Там же. С. 61, 63.

⁴ Там же. Т. 1. Л. 11–14.

решала Коллегия ОГПУ. Следующая серия арестов будущих «шахтинцев» состоялась 9–11 ноября 1927 г. (5 чел.). Еще 1 чел. был арестован 3 декабря 1927 г., 5 чел. – в январе – феврале 1928 г. Наиболее интенсивные аресты прошли непосредственно перед опубликованием в печати сообщения о «раскрытии контр-революционного заговора» 12 марта 1928 г.: с 3 по 10 марта было арестовано сразу 19 чел. Аресты продолжались еще месяц (20 чел), последние ордера на арест будущих подсудимых датированы 15 апреля 1928 г.

Таким образом, на момент предания «дела» огласке под арестом находилась примерно четверть из числа тех, кто затем оказался в зале суда. Остальные обвиняемые «добирались» в ходе форсированных следственных действий. В свете вышесказанного очевидно, что начальная фаза следствия (шахтинская и отчасти ростовская) имела достаточно затяжной (примерно полгода) и вялотекущий (с точки зрения следственных результатов) характер, перейдя в перспективную для чекистов стадию лишь на рубеже января – февраля 1928 г. Для подобной динамики были веские основания: чекистское следствие долгое время не могло выстроить доказательную сторону обвинений в «экономической контр-революции».

Первым из числа будущих «шахтинцев» подвергся аресту зав. проходкой (шахтой) им. Красина Донецко-Грушевского рудоправления (ДГРУ) треста «Донуголь» техник В. И. Беленко. 15 апреля 1927 г. за гибель в забое одного из шахтеров последовал его арест по «неполитической» статье (ст. 108, ч. 1 УК) «за небрежное и халатное отношение к своим обязанностям». Под поручительство профсоюзов Беленко в начале мая выпустили под подписку о невыезде. Он был признан виновным «в халатности», снят с должности и переведен на другую шахту техником. За это время в Шахтинский отдел ОГПУ поступило несколько «сигналов» от рабочих, в которых указывались факты «многочисленных нарушений», допускавшихся Беленко в работе. На одно из них, групповое, датированное 23 июля 1927 г., нач. окротдела ОГПУ Финаков наложил резолюцию о создании технико-экспертной комиссии для проверки сообщаемых в письме фактов, а также об открытии нового следствия в отношении Беленко, увязав его с уже открытым следственным делом № 267

в отношении нескольких арестованных в июне лиц по обвинению последних в «экономической контрреволюции» (ст. 58, п. 7)⁵.

Первые 6 чел., арестованные 14 июня 1927 г. по делу № 267 (которое и следует считать исходным для «Шахтинского»), являлись инженерно-техническими работниками и управленцами ДГРУ, проживавшими в основном в г. Шахты: Н. А. Гаврищенко (зав. шахтой), машинист Я. Т. Литовченко, участковые техники Ф. Т. Васильев и К. Е. Колодуб, управленцы ДГРУ Г. И. Котляров и А. И. Усанов. Примечательно, что никто из них, кроме «присоединенного» после ареста 27 июля 1927 г. В. И. Беленко, не был затем выведен на процесс, их судьбы решались во внесудебном порядке.

Однако следствие пошло достаточно интенсивно, появились новые обвиняемые, и 9 сентября 1927 г. следствие перешло в ведение Экономического отдела ПП ОГПУ по СКК, получив новый порядковый номер (№ 8627). Оно касалось уже 13 чел., среди которых были пятеро работников ДГРУ, арестованных в ноябре 1927 г., попавших на процесс в качестве «контр-революционного актива» ДГРУ (братья А. К. и Е. К. Колодубы, зав. шахтой Самойлов, техники Нашивочников и Бабенко).

Как отмечалось выше, провести результативные следственные действия оказалось значительно сложнее, чем произвести аресты и открыть политико-уголовное дело по 58-й ст. Основная причина того, что следствие несколько месяцев практически не продвигалось вперед, заключалась в поведении арестованных. За небольшими исключениями арестованные отказывались признавать выдвинутые против них обвинения и не желали «сотрудничать со следствием». Да и сами следователи в послеарестный период некоторое время не форсировали разработку версии наличия в ДГРУ «контрреволюционной организации», пытаясь сначала добиться от арестованных личных признаний во «вредительстве», чтобы затем добиваться от них признаний в «организованном вредительстве».

На начальном этапе следственных действий чекисты избрали в качестве ключевых фигур двух заведующих шахтами – Н. А. Гаврищенко и В. И. Беленко, в отношении которых допросы их самих, свидетелей и оч-

⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 9. Л. 188.

ные ставки с последними велись наиболее интенсивно. В частности, АСД на Н. А. Гавришенко состояло из двух частей (основной на 671 листах и дополнительной о самоубийстве арестованного), было допрошено 72 свидетеля. Примечательно, что в первой части находится несколько групповых и персональных заявлений в местный отдел ГПУ от рабочих рудника им. Воровского, которым до ареста руководил Гавришенко, недовольных порядком выплаты премиальных денег на шахте (заявление от 11 апреля 1927 г.), а также члена партии Проценко о том, что Гавришенко в годы Гражданской войны издевался над рабочими, а ныне «роскошно живет», «проводит меньшеви[с]тскую линию» (заявление от 15 июня 1927 г.)⁶.

Из материалов АСД В. И. Беленко следует, что всего с 25 июля 1927 г. по 27 марта 1928 г. он персонально допрашивался десять раз. В ходе следствия было допрошено 20 свидетелей, проведено десять очных ставок. В АСД также имеется несколько заявлений от рабочих (первое от 15 мая, последнее от 23 июля 1927 г.), в которых одни отмечали факты недоплаты на шахте за выполненные работы, а другие обвиняли Беленко во враждебности советской власти⁷. Таким образом, чекисты в своих решениях опирались на поступающие в ОГПУ «сигналы» от рабочих и партийцев. Как правило, в дальнейшем эти лица давали нужные чекистам и компрометировавшие арестованных показания, расширяя тем самым круг свидетельских показаний и фактов, подлежащих проверкам.

Летом 1927 г. к немногочисленным кадрам местных чекистов в г. Шахты из Ростова-на-Дону прибыло подкрепление в лице следователей – уполномоченных Экономического управления (Еленевич, Борисевич-Луцик, Яхонтов). Благодаря этому допросы свидетелей и арестованных стали более интенсивными. Теперь все шире использовались показания ИТР и управленцев из ДГРУ. Дополнительно для оказания давления на арестованных организовывались очные ставки с бывшими агентами и сотрудниками «белой» контрразведки времен Гражданской войны, дававших стереотипные показания о причастности арестован-

ных к репрессиям среди рабочих. Таким образом, реализовывалась тактика давления на арестованных по трем линиям: «саботаж и вредительство на производстве», ненормальные взаимоотношения с рабочими (грубость, рукоприкладство, обсчеты и т. д.), прошлое социально-политическое «лицо» (антирабочая и антиреволюционная политика до и в ходе революции и Гражданской войны).

Подавляющая масса протоколов допросов рабочих носила ярко и явно выраженный обвинительный характер. Значительная часть привлеченных к следствию рабочих относились к категории активистов, остальные были членами партии, красногвардейцами или красноармейцами. В своих показаниях и на очных ставках с обвиняемыми рабочие придавали производственно-техническим эпизодам прошлых лет политический смысл и криминальный контекст.

Уникальной по своим масштабам следует считать проведенную чекистами 23 октября 1927 г. очную ставку В. И. Беленко сразу с 13 (!) рабочими⁸. Давление нагнеталось очными ставками обвиняемых с коллегами по корпорации – ИТР и управленцами. Чекисты умело использовали повышенный «обвинительный потенциал» коллег обвиняемых, противоречия и трения между ними в прошлом. В частности, тогдашний управляющий ДГРУ Гончаренко, давая чекистам откровенные показания, акцентировал внимание на том, что следует наконец покончить с «колодубо-калгановским гнездом».

Однако решающее воздействие на динамику следствия оказало изменение в поведении самих арестованных. В конце августа практически одновременно Беленко и Гавришенко, изменив прежнюю линию поведения на следствии, стали давать показания о наличии в ДГРУ «спяянной» группы антисоветски настроенных управленцев и техников («группа родственно связанная между собой, а также связанная между собой деловыми дореволюционными связями») во главе с Емельяном Колодубом, в прошлом известным шахтовладельцем – из показаний Беленко от 24 августа 1928 г.)⁹.

Примечательна та линия самозащиты, которую выстраивали арестованные руководители шахт в ответ на вопросы следова-

⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 26. Ч. 1. Л. 6–9.

⁷ Там же. Т. 9. Л. 137, 188.

⁸ Там же. Л. 343.

⁹ Там же. Л. 202; Т. 26. Ч. 1. Л. 103.

телей о наличии связи между сбоями на производстве и «организованным вредительством». В частности, Гавришенко на допросе 5 августа 1927 г. дал следующий ответ: «Все происходящие дефекты и моменты отрицательного характера происходили, как возможные происходить в процессе работы. Не считаю и не нахожу тенденции ни с чьей стороны стремлений или создания обстановки, которая была бы направлена к подрыву производства»¹⁰.

Экспертно-техническая комиссия, срочно созданная по просьбе чекистов для обследования положения дела на возглавлявшейся Гавришенко шахте им. Воровского, вынесла 9 августа следующее заключение: «Из всех приведенных фактов наблюдается целый ряд порчи машин и оборудования рудника, что надо расценить или как злостную бесхозяйственность, или злой умысел с вредительской целью производства со стороны Гавришенко»¹¹. 15 августа на очередном допросе на вопрос «Считаете ли правильными акты, составленные комиссией о состоянии рудника и подтверждаете ли вывод комиссии о том, что рудник месяца через два должен был стать?» Гавришенко ответил: «Акты пересолены, рудник через два месяца может стать, если управлять будет комиссия, а при мне рудник работал до того времени, пока нужно было бы, при тех машинах, которые есть на руднике»¹². 28 сентября он обратился к чекистам с заявлением следующего характера: «Прошу приобщить к моему делу служебное распоряжение № 9 ДГРУ, где указываются достижения на шахте Воровского, т. к. в следственном материале характеризуются только отрицательные моменты, возможные в процессе работ, а в особенности в процессе введения механизации зарубки, когда часть не сознательных зарубщиков явно противодействовала введению врубовых машин.

Прошу приобщить к делу протоколы технических совещаний, где всегда выявлялось, что шахта им. Воровского по выполнению программных заданий с тех пор как я ее принял по технической части почти всегда стояла на первом месте»¹³.

Тем не менее, принудив арестованных начать давать показания на других лиц, находившихся еще на свободе, чекисты начали, наконец, продвигаться вперед. В частности, в показаниях Беленко от 24 августа 1927 г. впервые прозвучали обвинения против лиц, входивших в пресловутое «гнездо», – в якобы сокрытии разведанных еще до революции богатых угольных месторождений и, напротив, в разработке бесперспективных и убыточных угольных пластов, открытии ранее законсервированных нерентабельных шахт и затоплении перспективных угольных разрезов и т. д. Эти же обвинения прозвучали затем и в показаниях Гавришенко, после чего последовало неизбежное – в дискуссию по этим вопросам был вовлечен широкий круг экспертов, работали технико-экспертные комиссии, дававшие «нужные» чекистам заключения.

Весьма примечательно, что Беленко, поставив себе в заслугу такого рода признания, всячески отрицал свою причастность к «саботажу», не желая признавать двусмысленность своей позиции, писал в заявлении в полпредство ОГПУ по СКК 16 сентября 1927 г.: «13 сентября я посажен в одиночную камеру за якобы неоткровенные признания и показания. Считаю своим долгом заявить Вам, что мои показания были настолько справедливы и важны для Шахтинского ОГПУ, что они дали им возможность углубиться в работу рудоуправления и выявить при моей помощи многие дефекты работы <...> и полную характеристику техников и инженеров, которыми интересовался ОГПУ. Все мои показания дают мне право на более лучшее содержание меня под стражей. Верю в Вашу справедливость и думаю, что моя помощь в деле раскрытия злоупотреблений в ДГРУ даст возможность и Вам скорее разобраться во всех деталях и мне, как человеку, стремящемуся как можно скорее выдать всех виновных, чем, безусловно, оправдать себя»¹⁴.

Следующий перспективный для следствия сюжет заключался в выявлении причин сбоев и аварий на производстве. Здесь «разрабатывались» два аспекта: конкретные акты «вредительства» и то, почему насыщение производства новой техникой не приносило ощутимого и ожидаемого результата. Приоритетное внимание отводилось разбору

¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 26. Ч. 1. Л. 127.

¹¹ Там же. Л. 153.

¹² Там же. Л. 254 об.

¹³ Там же. Л. 333.

¹⁴ Там же. Т. 9. Л. 255–256.

прежних аварийных ситуаций на производстве (выход техники из строя) и нерациональное размещение и использование новой, преимущественно импортной техники. Все это в совокупности позволяло следствию выйти на новый уровень: помимо служащих ДГРУ требовалось установить «заговорщиков» на более высоких уровнях (в правлении «Донуголь» в Харькове) и выявить связи с границей (контакты с бывшими шахтовладельцами и проследить «участие в организации» иностранных специалистов).

Принципиальный перелом в ходе следствия наступил после того, как арестованный 3 декабря 1927 г. инженер А. Б. Башкин (на момент ареста – главный механик Власовского рудоуправления, ранее долго работавший в ДГРУ), через полтора месяца начал давать «признательные» показания. В отношении Башкина выявляется определенная специфика ведения следствия. Допросы первоначально велись с длительными перерывами: первый прошел 13 декабря, второй – только 6 января, третий – 16 января 1928 г. В течение второй половины декабря следователи опросили чуть более десятка человек, преимущественно рабочих, дававших показания о поведении Башкина до и после 1917 г. и о его производственной деятельности в советское время. Однако ни одной очной ставки со свидетелями или арестованными (исключительный случай!) Башкину не организовали. Очевидно, что Башкин представлял особый интерес для следствия, поскольку имел жившего в Берлине брата эмигранта, с которым состоял в переписке, изъятой при аресте, а также получал посылки, передаваемые в том числе приезжавшими иностранными специалистами.

Ознакомившись 21 января 1928 г. с предъявленными ему обвинениями сразу по нескольким пунктам ст. 58 УК (в том числе «шпионскому»), Башкин сделал следствию «подарок» в форме признательного заявления, где, в частности, писал: «Взвесив и хорошо обдумав всю свою прошлую деятельность, я пришел к такому выводу, что не будучи идейным противником Советской власти, что вследствие своей слабых характеристик и вхождению в круг знакомых и приятелей, занимавшихся преступной деятельностью, направленной против Советской власти, я решил раскаться в своей

прошлой деятельности и стать искренним другом Советской власти, для чего хочу и буду помогать раскрывать существующие заговоры и лиц, принимавших в них участие. <...> Быстрое развитие каменноугольной промышленности и укрепление ее с большими достижениями срывались врагами и буржуазией, диктовавшей свою борьбу и методы ведения ее через приезжавших внутрь страны иностранцев и организованных в центре Управления Донугля лиц, принимавших эти задания и передававших их дальше, через главных инженеров или путем выезда выезжавших на места, т. е. в Рудоуправления иностранцев»¹⁵. Данное признание содержало информацию по столь нужному следствию «недостающему звену» – каналам и связям с границей.

С этого дня и вплоть до последнего по времени допроса (23 марта) следователи провели с Башкиным 48 допросов (почти ежедневно, в отдельные дни – дважды) с наивысшей интенсивностью по сравнению с другими арестованными. Протоколы его допросов заняли около 280 машинописных страниц. В «признаниях Башкина» содержалась значительная часть той информации, на основании которой ростовские чекисты готовили первые обзоры по «Шахтинскому делу», направленные в центральный аппарат ОГПУ. Значимость этих «признаний», помимо «заграничной линии», состояла и в том, что они послужили толчком для появления «признаний» ряда других арестованных, которых чекисты ознакомили с показаниями Башкина.

Так, первый из управленцев более высокого уровня, инженер Н. Н. Березовский (ранее работал в ДГРУ, на момент ареста 5 января 1928 г. служил уже зав. плановым отделом треста «Донуголь», жил в харьковской гостинице, был арестован украинскими чекистами и перевезен для допросов вначале в г. Шахты, затем в Ростов-на-Дону) в течение первых недель заключения отказывался давать «признательные показания». Затем, 10 февраля, согласился сотрудничать со следствием, но через некоторое время вдруг отказался от уже сделанных показаний. 13 февраля он сам попросился на допрос. Далее в протоколе значилось: «*Вопрос:* Вы решили говорить правду? *Ответ:* Да, решил. Я извиняюсь, вчера и сегодня я

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 126. Л. 45.

был в таком угнетенном состоянии. Вы меня должны понять, я говорил абсурд. Но на меня подействовал разговор с Башкиным»¹⁶.

«Башкинские признания», в частности, сыграли роковую роль в судьбе Гаврищенко. По информации одного из следователей, Еленевича, «Башкин сознался в преступлениях. В его показаниях фигурировал и Гаврищенко. 23 января 1928 г. был вызван на допрос Гаврищенко и ему предъявлены показания Башкина. Это на него так подействовало, что он решил сознаться. В течение 25–26 января он стал писать показания. Затем 29 января его допрашивали Зонов, я и Брыксен. Но тут у него наметился перелом. Он на целый ряд вопросов не ответил. На следующем допросе он начал давать ложные и противоречивые показания»¹⁷. 30 января вызванный на очередной допрос Гаврищенко, усыпив бдительность двух находившихся в комнате чекистов, выбросился из окна четвертого этажа¹⁸. В заключении по делу о самоубийстве Гаврищенко ростовские чекисты, оправдывая свою «халатность», отмечали, что «за время пребывания под стражей Гаврищенко неоднократно допускал различные выходки, определявшие его как крайне неуравновешенного, способного на все объекта (так в документе. – С. К.)»¹⁹.

Чекисты были прекрасно осведомлены о том, что Гаврищенко уже несколько месяцев пребывал в психически неустойчивом состоянии (пытался разбить голову о стену, нападал на следователей во время допросов и т. д.). Вынужденный оправдываться Еленевич в своих показаниях от 3 февраля 1928 г. отмечал: «Думать, что Гаврищенко решится на самоубийство я не мог, т. к. убедился, что у него сильный страх смерти, каковой и толкал его на все эти безрассудства. Это подтверждается еще одним разговором 26 января с. г., когда он давал откровенные признания. Я ему задал вопрос: “Николай Андреевич, дело прошлое, но скажите мне, что вас толкало на симуляцию сумасшествия?” Он мне ответил: “Я вспомнил, что сумасшедших не расстреливают и таким образом надеялся избежать расстрела, каковой я ожидал”»²⁰. Между тем состояние Гаври-

щенко в день самоубийства красноречиво характеризовали его ответы на поставленные следователем вопросы: «*Вопрос:* Где шифр, которым вы пользовались для контрреволюционных целей. *Ответ:* Я его уничтожил. *Вопрос:* Где шифр. *Ответ:* Я его не имел. *Вопрос:* Где шифр. *Ответ:* Я его спрятал. <...> *Вопрос:* Сколько получили на восстание летом 1928 г., от кого. *Ответ:* Я сказал первый раз неправильную цифру. Было получено всего 50 000 рублей. Откуда получены деньги и кто их получал я не знаю»²¹.

Как в подобной ситуации чекисты отделяли «правдивые показания» человека, давно находившегося в пограничном психологическом состоянии от «ложных», понять не трудно. Между тем далеким от уравновешенного было и состояние самого Башкина. Ростовский медик, директор клиники нервных заболеваний профессор Эмдин в акте от 11 марта 1928 г. дал заключение о том, что «гражданин Башкин в настоящее время страдает общим неврозом, пограничным с реактивным состоянием» и предложил поместить его в эту клинику для лечения, добавив при этом: «Больного я знаю в течение 2-х лет как психостеника». По согласованию с чекистами Башкин около недели провел в специализированной клинике, после чего был водворен обратно в тюрьму, где с ним провели еще три завершающих допроса²².

Суицид Гаврищенко подействовал на моральное состояние даже тех арестованных, кто так и не пошел на сделку со следствием, как Башкин. В частности, арестованный 9 ноября 1927 г. бывший зав. шахтой Аюта А. К. Колодуб, отрицавший свою вину на последнем по времени допросе 17 февраля 1928 г., согласно составленному чекистами акту, набросился на следователя, крича: «стреляйте, мерзавцы, лучше разобьюсь, чем скажу». Под документом помета: «обвиняемый А. К. Колодуб от подписи акта отказался, заявив “Хоть 30 составляйте, плевать мне на всех”»²³.

Предварительное следствие по «Шахтинскому делу», начатое шахтинскими и продолженное ростовскими чекистами с подключением на завершающей стадии украинских и московских чекистов, длившееся с июня

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 31. Л. 86.

¹⁷ Там же. Т. 26. Ч. 2. Л. 21–22.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 25.

²⁰ Там же. Л. 22.

²¹ Там же. Д. 126. Ч. 1. Л. 660.

²² Там же. Т. 125. Л. 305, 311.

²³ Там же. Т. 48. Л. 359 об.

1927 г. по апрель 1928 г. и овеществленное в почти 300 единицах архивно-следственных дел, явилось своего рода показателем профессионализма местного и регионального следственного аппарата ОГПУ. Уровень оказался невысоким, что объясняется как объективными, так и субъективными факторами. К последним относилась недостаточная компетентность чекистов экономических подразделений ОГПУ при ведении следственных действий в такой сложнейшей сфере, как реальная экономика. В течение нескольких месяцев следственный аппарат не мог «сломать» арестованных руководителей ряда шахт ДГРУ. Закаленные в хозяйственных конфликтах управленцы и специалисты уверенно опровергали обвинения в «экономической контрреволюции», поэтому следствие не укладывалось в отведенные нормативами сроки и несколько раз продлевалось. Уязвимость следствия определялась прежде всего его предвзятостью: доказать наличие «организованной контрреволюции» там, где таковой не было. Однако на чекистов работало несколько факторов,

среди которых интенсивность допросов и очных ставок, длительность пребывания арестованных в заключении, психологическое давление на обвиняемых и т. д. Не случайно, что ход «дела» реально ускорился только с того момента, когда «признания» начали давать двое обвиняемых, находившихся в «пограничном состоянии» (Н. А. Гаврищенко и А. Б. Башкин). Об уровне проведенного чекистами предварительного следствия свидетельствует уже факт того, что почти половина из выведенных на судебный процесс обвиняемых своей вины не признала ни на следствии, ни в судебном заседании.

Список литературы

Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д, 1993.

Материал поступил в редколлегию 10.08.2008

S. A. Krasilnikov

SHAHTINSKIY PROCESS OF 1928: PREJUDICIAL INQUIRY IN ARCHIVAL DOCUMENTS

According to analysis of the archival documents the author reconstructed the mechanism of transformation of ordinary investigatory case into famous political case – «Shahtinskoe delo». The methods of prejudicial inquiry used by officials of Cheka in summer of 1927 – spring of 1928 as well as the tactics of charged offenders and dynamics of investigative actions are shown.

Keywords: «Shahtinskoe delo», archive-investigative cases, political repression.